

КНЯГИНЯ
ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВСКАЯ
АЛЕКСАНДР II

ВОСПОМИНАНИЯ

Екатерина Юрьевская
Александр II. Воспоминания

«Издательство Захаров»

1924

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)1

Юрьевская Е.

Александр II. Воспоминания / Е. Юрьевская — «Издательство Захаров», 1924

ISBN 978-5-8159-1438-4

Александр II (1818–1881), император, супруг и отец взрослых детей, был на 28 лет старше княжны Екатерины Михайловны Долгорукой. Их роман длился много лет, а в 1880 году овдовевший император вступил в морганатический брак, узаконив их общих детей и повелев именовать свою любимую Катю светлейшей княгиней Юрьевской. Однако меньше чем через год, весной 1881 года, Александр II погиб от рук террористов. На похоронах царя Освободителя присутствовал молодой французский дипломат Морис Палеолог – его очерк «Александр II и Екатерина Юрьевская» открывает эту книгу. А далее в ней опубликованы воспоминания самой княгини, изданные ею в Европе сразу после гибели мужа, под псевдонимом Виктор Лаферте. Книга также содержит редкий иллюстративный материал 1881 года.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-8159-1438-4

© Юрьевская Е., 1924
© Издательство Захаров, 1924

Содержание

Морис Палеолог. Александр II и Екатерина Юрьевская	6
Глава первая	10
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Княгиня Екатерина Юрьевская Александр II. Воспоминания; Александр II и Екатерина Юрьевская: биографический очерк

Воспоминания второй жены Александра II светлейшей княгини Е.М.Юрьевской, изданные ею на французском языке под именем Виктора Лаферте, печатаются по-русски впервые по тексту редкой книги:

Alexandre II
Details inedits sur savie intime et sa mort par Victor Laferte
1882

Биографический очерк Мориса Палеолога, изданный в Париже в 1922 году, печатается в новой редакции перевода, опубликованного в Петрограде в 1924 году

Иллюстрации в этой книге воспроизводят избранные страницы еженедельного петербургского журнала «Нива» за март – апрель 1881 года из библиотеки издателя

Морис Палеолог. Александр II и Екатерина Юрьевская

Это было в 1881 году. Незадолго до того я поступил в Министерство иностранных дел и был причислен к кабинету министра Бартелеми Сент-Илер, известного переводчика Аристотеля и старинного друга Тьера.

В воскресенье, 13 марта, в семь часов пополудни, когда я находился в комнате, прилегающей к кабинету министра, один из чиновников секретного отдела принес мне с испуганным видом важную телеграмму, только что им расшифрованную. Я прочел:

«Петербург, 13 марта 1881 г. Страшное несчастье постигло Россию; сегодня, в половине четвертого пополудни, скончался император, пав жертвой гнусного убийства. Его величество возвращался домой после военного парада и визита к великой княгине Екатерине, как вдруг брошенной бомбой была взорвана его карета. Император, оставшийся невредимым, хотел сойти, чтобы узнать, в чем дело. В эту минуту вторым взрывом ему раздробило ноги. Императора в санях довели до дворца, где он скончался час спустя. Я видел его на смертном одре, окруженным потрясенной семьей. Толпы народа окружают дворец, выражая глубокую скорбь, но сохраняют при этом полное спокойствие. Из сопровождавших государя один казак убит, пятеро ранено. Говорят и о других жертвах. Произведено четыре ареста на месте происшествия, в момент взрыва. Генерал Шанци».

Несколько часов спустя стали известны все подробности убийства, довольно сильно взволновавшего французское общество...

За несколько месяцев до убийства Александра II один важный инцидент до крайности обострил дипломатические отношения между Петербургом и Парижем.

Императорское правительство потребовало у нас выдачи анархиста Гартмана, обвиненного в организации взрыва царского поезда на вокзале в Москве 3 декабря 1879 года. Под влиянием левых партий французское правительство отказалось выполнить это требование, что вызвало негодование Александра II. Русская пресса громила Францию, и царский посол князь Орлов внезапно покинул Париж, аккредитовав письмом своего поверенного в делах и не простившись ни с президентом Республики, ни даже с министром иностранных дел.

Смерть Александра II ставила перед Европой тревожные проблемы. Что произойдет в России? Является ли убийство 13 марта прелюдией к общему перевороту? Что победит – консервативное или революционное течение? В случае сильной реакции, не будет ли царский абсолютизм вынужден усилить связь с немецкими государствами? Не рискуем ли мы оказаться пред фактом возобновления монархического договора против Франции, заключенного в 1873 году, – знаменитого союза трех императоров?

Бартелеми Сент-Илер желал как можно скорее получить ответ на все эти вопросы. Он лично написал по этому поводу нашему послу в России генералу Шанци, и мне было поручено доставить это письмо, снабдив его некоторыми устными пояснениями.

* * *

Вечером 15 марта я выехал в Петербург. На Северном вокзале в зале для отъезжающих я прочел объявление, гласившее, что все русские границы закрыты впредь до нового распоряжения и все путешественники, направляющиеся в Россию, могут ехать не дальше Берлина. Но мой дипломатический паспорт обеспечивал мне возможность доехать до Петербурга.

Экспресс был почти пуст. Человек двадцать пассажиров, не больше; в их числе великий князь Николай Николаевич, брат императора, бывший главнокомандующий русской армии во

время войны на Балканах, его сыновья Николай и Петр, возвращавшиеся из Канн, их адъютанты и несколько слуг.

В Берлине, куда мы прибыли на следующий день в восемь часов вечера, у нас была продолжительная остановка, во время которой великие князья принимали членов русского посольства и адъютанта старого императора Вильгельма.

Перед отходом поезда все пассажиры были подвергнуты тщательному опросу полиции, и, кроме великих князей, их свиты и одного английского курьера, только я получил разрешение следовать дальше.

На следующий день в четыре часа пополудни мы остановились в Эйдкунене – последней прусской станции на границе двух империй, и в поезд внесли множество чемоданов и футляров военного образца. Немного времени спустя на русской станции Вержболово я увидел великих князей и их адъютантов, выходящими из вагонов в военной форме с креповыми нарукавниками на серых мундирах. Рота солдат, выстроившаяся вдоль перрона, отдавала честь.

Несмотря на дипломатический паспорт, жандармский офицер подробно расспросил меня о цели моего путешествия, соблюдая, однако, по отношению ко мне чрезвычайную вежливость. Английскому курьеру пришлось выдержать такой же допрос.

Я спустился в буфет выпить стакан чаю. При слабом свете под темным небом вокзал казался мрачным. Перед каждой дверью – жандарм; в каждом проходе – часовая; а кругом, в полях, в беспредельности туманной равнины, виднелись тут и там казацкие патрули, охранявшие границу.

Еще двадцать четыре часа пути – и я в Петербурге.

Город был в страшной тревоге. Население терроризовано не только убийством царя, но и слухами о силе и дерзости нигилистов.

На улицах я встречал испуганные и взволнованные лица. Казалось, люди обращались друг к другу только для того, чтобы сообщить тревожные новости, которые рождались и росли с каждым часом: сенсационные аресты, захват оружия и взрывчатых веществ, обнаружение тайных типографий, революционные прокламации, расклеенные на городских памятниках и чуть ли не в здании Зимнего дворца, угрожающие письма по адресу наиболее высокопоставленных лиц, убийство жандармских офицеров среди бела дня у Гостиного двора и т. д.

Опубликование последних результатов полицейского розыска особенно взволновало общественное мнение: распутывая нить одного заговора, полиции удалось установить, что террористы подвели под Садовую улицу, на углу Невского, адскую машину, начиненную тридцатью двумя килограммами динамита.

* * *

Я направился прямо в посольство, где выполнил данное мне поручение.

Вечером, за обедом у генерала Шанци, я познакомился с некоторыми из его сотрудников: адъютантом генерала полковником де Буадеффриом, советником посольства Терно-Компаном и самым блестящим из секретарей посла, составившим себе уже некоторое имя в литературе, Эжен-Мельхиором де Вогюэ.

Их интересная беседа, в которую генерал вставлял иногда меткое слово, открыло мне совсем новую точку зрения на русский «свет», куда я попал впервые, и стало хорошей подготовкой к той грандиозной церемонии похорон императора, свидетелем которой я стал на следующий день.

...Сильное впечатление производит эта длинная величественная процессия в одеяниях из черного бархата, расшитого серебром. Под суровым покровом митр и византийских риз митрополиты и архиереи кажутся движущимися иконами.

За ними следует траурная колесница, запряженная восемью черными лошадьми в креповых уборах с белыми султанами.

Вокруг нее – тридцать пажей с горящими факелами.

Внутри колесницы по церемониалу четыре генерал-адъютанта окружают гроб, задрапированный покрывалом из горностая и золота.

За гробом следует император Александр III с непокрытой головой, стройный и величественный, в Андреевской ленте через плечо. Его сопровождают великие князья.

Императрица Мария Федоровна и ее юные дочери, великие княгини и придворные дамы следуют за гробом в траурных каретах. Процессия заканчивается отрядом гвардейцев.

Генерал Шанци ведет нас прямо в собор крепости. Мы успеваем прибыть туда в одно время с траурной колесницей. Император и великие князья снимают гроб и на плечах несут его к катафалку.

В освещенной церкви перед таинственно сверкающим иконостасом начинается дивная заупокойная литургия. Императорская фамилия размещается справа от катафалка, придворные сановники, министры, генералы, сенаторы, представители гражданской и военной власти занимают центр. Иностранные послы со своим персоналом стоят позади царя.

Генерал Швейниц представлял Германию, граф Кальноки – Австро-Венгрию, лорд Деффери – Англию, кавалер Нигра – Италию. Но самая благородная фигура – это представитель Франции генерал Шанци.

...Литургия, на которой я присутствую, беспрерывно возвращает мои мысли к усопшему. Посиневшее лицо его кажется страшным под мерцающими огнями свечей.

Хор запел «Вечную память». Священник прочел отпущение грехов и приложил ко лбу усопшего полоску пергамента с начертанной на нем молитвой.

Остается отдать последний долг прощания.

Поднявшись по ступенькам катафалка, с глазами, полными слез, Александр III склоняется над гробом и запечатлевает последний поцелуй на руке отца. Царица, великие князья и княгини поочередно делают то же.

Послы со своим персоналом приближаются к гробу, но в это время главный церемониймейстер князь де Дивен просит нас остановиться.

В глубине церкви, из двери, примыкающей к ризнице, появляется министр двора граф Адлерберг, поддерживая хрупкую молодую женщину под длинным креповым вуалем.

Это морганатическая жена покойного императора княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская, урожденная княжна Долгорукая.

Неверными шагами поднимается она по ступеням катафалка. Опустившись на колени, она погружается в молитву, припав головой к телу покойного. Несколько минут спустя она с трудом поднимается и, опираясь на руку графа Адлерберга, медленно исчезает в глубине церкви.

После этого мы приступаем к последней церемонии. Когда приходит моя очередь, я замечаю, что вся нижняя часть тела усопшего, изуродованная взрывом, закрыта пышной мантией, а вуаль из красного тюля скрывает две раны на лице.

* * *

Из всех впечатлений о моем пребывании в России наиболее ярко сохранилось у меня в памяти мимолетное появление в соборе крепости княгини Юрьевской.

В течение последующих лет я видел ее несколько раз в Париже, где она вела обычную жизнь богатой иностранки. Ей не приписывали никаких романов. Трое детей ее от Александра II, казалось, поглощали всю ее нежность. Она подолгу жила в Ницце, где и умерла 15 февраля 1922 года. Две-три строки в нескольких журналах отметили ее смерть. А между тем, мне

известно, что ее связь с Александром II заключала в себе большую политическую тайну. Лишь немногие были посвящены в эту тайну и ревниво хранили ее или унесли с собой в могилу.

Сведения, собранные мной во время моего пребывания в Петербурге, несколько попавших ко мне писем, наконец, интимное признание, ценность которого для меня несомненна, позволяют мне теперь точно определить то важное место, которое княгиня Юрьевская вправе занять в истории России.

Глава первая

Княжна Екатерина Михайловна Долгорукая родилась в Москве 14 ноября 1847 года. Отец ее, князь Михаил Михайлович Долгорукий, унаследовавший крупное состояние, вел беспечный образ жизни, то появляясь в обеих столицах, то оставаясь подолгу в своем родовом имении Тепловка в окрестностях Полтавы.

Князя Долгорукие вели свой род от Рюрика и Владимира Святого. Дочь одного из предков, Мария Долгорукая, была женой царя Михаила Федоровича, основателя династии Романовых.

В августе 1857 года император Александр II, направляясь в Волынь для присутствия на маневрах, остановился в Тепловке.

Семья Долгоруких переместилась в боковой флигель, предоставив государю парадные покои.

Однажды, когда царь расположился на веранде со своими адъютантами, мимо пробежала девочка.

– Кто вы, дитя мое? – окликнул ее царь.

– Княжна Екатерина Михайловна Долгорукая, – пролепетала она, растерявшись. – Мне хочется видеть императора.

Это рассмешило государя. Он поболтал с ней несколько минут и велел отвести к родителям.

Увидя ее на другой день, царь был вновь очарован ее грацией, прелестными манерами и большими глазами испуганной газели. С самым любезным видом, как бы обращаясь к придворной даме, царь попросил показать ему сад. Они долго гуляли вместе. Девочка была в восторге. Этот день навсегда остался у нее в памяти.

* * *

Два года спустя Александру II привелось снова вспомнить о ней.

Князь Долгорукий, тщеславный и безвольный, увлекшийся спекуляциями, потерял все свое состояние. Это сильно отразилось на его здоровье, и он вскоре скончался от нервного потрясения.

Чтобы оградить семью от требований кредиторов, государь принял имение Тепловка под «императорскую опеку» и взял на свой счет воспитание шестерых детей покойного князя.

Екатерина Михайловна и ее младшая сестра Мария поступили воспитанницами в Смольный институт.

Основанный Екатериной II в подражание Сен-Сирскому институту мадам Монтенон, «Институт благородных девиц» красуется своей прелестной архитектурой на берегу Невы, в том месте, которое так живописно изобразил Пушкин.

Во все времена русские императоры и императрицы традиционно осыпали этот институт своими милостями. Они интересовались личностью воспитанниц, их работами и играми и часто принимали участие в их чаепитии.

В этом аристократическом учебном заведении юные княжны Долгорукие вскоре выделились своей красотой. Изящные, с правильными чертами лица, они представляли два различных типа женской красоты.

Лицо старшей, Кати, словно выточенное из слоновой кости, было очаровательно в роскошной рамке из каштановых волос.

Младшая, Маша, с ослепительным цветом лица, обещала стать красавицей блондинкой.

Александр II часто и охотно беседовал с ними. Вскоре, однако, заметили, что к старшей он относится с особенным вниманием.

Семнадцати лет девушка окончила институт и поселилась у старшего брата Михаила, женатого на прелестной неаполитанке маркизе де Черче-Маджиоре. Зимой они занимали квартиру на Бассейной, а летом жили на скромной вилле в Петергофе.

Однажды весной Екатерина в сопровождении горничной шла по Летнему саду, покрытому еще снежным ковром, и увидела императора, совершавшего обычную прогулку с одним из адъютантов. Государь подошел к ней и, не обращая внимания на прохожих, наблюдавших за ними, увлек ее в одну из отдаленных аллей.

Простыми, но ласковыми и нежными словами царь глубоко взволновал эту неопытную и наивную девушку. Она готова была умолять его прекратить этот разговор, но слова застревали в горле и не срывались с уст.

После этого они встречались довольно часто в Летнем саду или в извилистых аллеях Елагина острова, а летом – под сенью векового леса в окрестностях Петергофа.

Напрасно говорил он ей о своей любви, большой, властной и мучительной – она оставалась холодна и неприязненно замкнута.

В течение нескольких месяцев Екатерине Михайловне удавалось избегать встреч с царем. Но вскоре он добился их снова.

Однажды, потрясенный ранней трагической смертью цесаревича Николая, царь при встрече с Екатериной Михайловной показался ей таким беспомощным, что сострадание невольно сжало ей сердце. Впервые она нашла в своей душе слова искреннего сочувствия к царю, согревшие и ободрившие его.

Это создало невидимую нить близости между ними, и в первый раз со времени их знакомства она с нетерпением ждала новой встречи.

При следующем свидании, едва взгляды их встретились, она вздрогнула от внезапного сердечного потрясения, как бы ослепленная молнией, в радостном порыве отдавая ему всю свою душу.

Позднее она с недоумением вспоминала об этом периоде своей жизни и говорила своему верному другу госпоже Варваре Игнатьевне Шебеко:

– Как я могла противиться ему в течение целого года? Как не полюбила его раньше?

* * *

Это было в июле 1865 года. Двор по обыкновению находился в Петергофе, выстроенном Петром Великим на берегу Финского залива с тайным желанием затмить Версаль.

В конце парка, близ дороги, ведущей в Красное Село, возвышается павильон с колоннадой, нечто вроде бельведера, носящий название «Бабигон». Николай I построил его в 1853 году для своей жены императрицы Александры. Уединенный, окруженный зеленью и цветами, он живописно расположен над сверкающим зеркалом финских вод.

Сюда вечером 13 июля была приведена Екатерина Михайловна; вся дрожа, она предстала пред Александром II, взволнованным еще больше нее.

Это свидание превзошло все, что молодая девушка могла вообразить. Расставаясь с ней и покрывая ее поцелуями, царь при прощании сказал:

– Я не свободен сейчас... Но при первой возможности я женюсь на тебе. Отныне и навеки я считаю тебя своей женой пред Богом. До завтра... Будь благословенна.

Эти слова в устах императора прозвучали торжественной клятвой, и с тех пор «Бабигон» часто видел Екатерину Долгорукую.

Сентябрьское пасмурное небо и холодные дожди принудили двор вернуться в столицу. Здесь встречи юной княжны с ее августейшим другом стали еще регулярней. Три-четыре раза

в неделю она тайно являлась в Зимний дворец. Собственным ключом открывала она низенькую дверь и проникала в уединенную комнату с окнами на площадь. Потайной лестницей эта комната соединялась с царскими апартаментами на втором этаже.

В течение тридцати лет Николай I управлял империей из этого уединенного уголка. Мебель, портреты, картины, все предметы, среди которых неумолимый самодержец осуществлял свои деспотические мечты, являлись теперь декорацией к сценам любви и сладострастия.

Связь вскоре стала известной, но в петербургских салонах о ней перешептывались лишь полусловами, так как в то время особа царя была священна. К тому же ужасное III Отделение тайной канцелярии, управляемое графом Шуваловым, повсюду имело уши и было далеко не безопасно болтать об интимной жизни монарха.

Однако жена старшего брата Екатерины Михайловны вскоре узнала, что в придворных сплетнях называют и ее имя, обвиняя ее в содействии сближению императора с молодой княжной и в покровительстве этой связи. Возмущенная клеветой, боясь за будущее Екатерины, она решила увезти ее в Неаполь, где жила семья Черче-Маджиоре. Несколькими месяцами раньше это средство могло оказаться спасительным, но теперь оно еще сильнее разожгло страсть любовников, которые ежедневно обменивались письмами.

Глава вторая

С первого взгляда может показаться непонятной такая сильная любовь между людьми, столь различными по возрасту и положению.

Когда Екатерину впервые привезли в «Бабигон», ей было только 17 лет, а Александру – больше сорока семи. Он мог быть ей отцом и, во всяком случае, должен был казаться ей слишком зрелым.

Правда, в ее глазах Александр был окружен ореолом славы и могущества. Ведь он император, самодержавный царь всей России, помазанник Божий, абсолютный владыка одного из величайших в мире народов.

Как могла она не поддаться очарованию, видя его таким величественным, окруженным блестящей свитой и всей пышностью придворных церемоний?

Никогда еще российский двор не блистал так ослепительно. Празднества и балы справлялись с неслыханной роскошью.

Бывший английский посланник лорд Лефтус, свидетель этого блестящего периода, писал в своих мемуарах: «Двор роскошен и поражает своей пышностью, в которой есть нечто восточное. Балы, с их живописным разнообразием военных форм, красотой туалетов, сказочным сверканием драгоценностей, своей роскошью и блеском, превосходят все, что я видел в других странах».

Теофиль Готье, посетивший Россию в 1865 году и присутствовавший на одном из таких придворных балов, исчерпал все ресурсы своего языка, чтобы описать это празднество. Чтоб лучше видеть общую картину, он взобрал на хоры Георгиевского зала.

«Вначале от сверкания, блеска и переливов свеч, зеркал, золота, бриллиантов и дивных тканей ничего не различаешь, – писал Готье. – Когда глаз несколько привыкает к ослепительному блеску, он охватывает с одного конца до другого этот гигантских размеров зал из мрамора и гипса. Беспрерывно мелькают в глазах военные мундиры, расшитые золотом, эполеты с бриллиантовыми звездами и ордена из эмали и драгоценных камней.

Одежды мужчин так блестящи, богаты и разнообразны, что дамам, с их изяществом и легкой грацией современных мод, трудно затмить этот тяжеловатый блеск. Не в силах быть нарядней – они прекрасней. Их обнаженные шеи и плечи стоят всех блестящих мужских украшений».

В этой сказочной рамке Т.Готье рисует портрет императора: «Александр II одет в элегантный военный костюм, выгодно выделявший его высокую, стройную фигуру. Это нечто вроде белой куртки с золотыми позументами, спускающейся до бедер и отороченной на воротнике, рукавах и внизу голубым сибирским песком. На груди у него сверкают ордена высшего достоинства. Голубые панталоны в обтяжку обрисовывают стройные ноги и спускаются к узким ботинкам.

Волосы государя коротко острижены и открывают большой и хорошо сформированный лоб. Черты лица безусловно правильны и кажутся созданными для медали. Голубизна его глаз особенно выигрывает от коричневатого тона лица, более темного, чем лоб, – свидетельство долгих путешествий и занятий на открытом воздухе. Очертание его рта так определено, что кажется выточенным из кости – в нем есть что-то от греческой скульптуры.

Выражение его лица полно величественной твердости и часто освещается нежной улыбкой».

Как могла Екатерина Михайловна не быть покоренной этой прелестью и царственным величием, склонившимися перед ней?

Однако, когда она согласилась явиться в «Бабигон», ею руководила не пылкость воображения и не опьянение гордости – она слушалась лишь голоса своего сердца. Не царю отда-

лась она, а мужчине. И женский инстинкт не обманул ее – Александр Николаевич в частной и интимной жизни был человеком редких качеств.

Благородство характера, великодушие и спокойное мужество, умение владеть собой, изящество манер и культурность ума, изысканность вкусов, чувство такта и учтивость – самые характерные его черты. Это был джентльмен в лучшем смысле слова. Его речь была живой, свободной, полной юмора и веселья.

С того дня, как Екатерина Михайловна позволила ему любить себя, она его обожала.

Но почему в нем пробудилось к этой семнадцатилетней девочке такое внезапное, страстное и глубокое чувство? И какая безумная влюбленность побудила его в первый же день их близости клятвенно обещать ей сделать ее своей женой?

* * *

Александр II всегда чувствовал неотразимое влечение к женщинам. Уже в 20 лет он испытал всю силу женского обаяния и узнал муки первой серьезной страсти.

В 1837 году, предприняв по желанию отца путешествие по Европе с познавательной целью для расширения кругозора, он объехал Швецию, Австрию и Италию, посетив дворы Берлина, Веймара, Мюнхена и Вены, Тюрена, Флоренции, Рима и Неаполя.

Возвращался он через Швейцарию и Прирейнскую область, желая нанести визит своим родным в Штутгарте и Карлсруэ.

Чтоб поскорей попасть в Лондон, бывший последним этапом его путешествия, он вычеркнул из своего маршрута маленькие столицы Германской конфедерации, как, например, Дармштадт, Мекленбург и т. д.

Но старый властитель курфюршества Гессенского герцог Людвиг II настаивал на том, чтобы Александр остановился при его дворе хотя бы на несколько часов. Молодой цесаревич принужден был, нехотя, согласиться на герцогское приглашение и 12 марта 1838 года прибыл в Дармштадт. Здесь его ожидал большой сюрприз.

У Людвиг II было четверо детей – три сына и дочь, которой к тому времени едва исполнилось пятнадцать лет.

Александр Николаевич страстно влюбился в юную принцессу Марию.

– Я всю жизнь мечтал только о ней, – взволнованно говорил он своим адъютантам Орлову и Кавелину в первый же вечер по приезде в Дармштадт. – Я не женюсь ни на ком, кроме нее.

И он немедленно написал в Петербург, умоляя отца и мать разрешить ему просить руки принцессы.

В это время ожидали его приезда в Лондон, и, с болью оторвавшись от дармштадтского очарования, цесаревич направился в Англию. Однако через очень короткий промежуток времени он поспешил вернуться в Дармштадт.

В ответном письме родители Александра проявили полное равнодушие к его свадебной горячке. Ему предписывали поторопиться с возвращением, а что до женитьбы, то этот вопрос можно обсудить позднее.

Тогда цесаревич решительно заявил Орлову и Кавелину, что скорей откажется от трона, чем от брака с принцессой Гессенской.

Вернувшись вскоре после того в Петербург, он повторил перед родителями свое непреклонное решение. Гордый самодержец Николай I и его тщеславная супруга были, однако, неумолимы.

Видя, что любовь цесаревича только сильней разгорается от препятствий, они решились, наконец, открыть ему настоящую причину своего упорства.

Герцог Людвиг II женился в 1804 году на шестнадцатилетней принцессе Вильгельмине Баденской. От их брака родилось двое сыновей: принц Людвиг – в 1806 году, принц Карл – в 1809 году.

Вскоре после этого нелады в герцогской семье повлекли за собой полный разрыв брачных отношений между супругами, что было сделано вполне гласно. Герцогиня Вильгельмина вела свободный образ жизни, ей приписывали множество увлечений. Весной 1823 года маленький дармштадтский двор с удивлением узнал, что герцогиня беременна. 15 июня она разрешилась третьим сыном, принцем Александром, который стал впоследствии родоначальником Баттенбергов.

Дорожа честью короны и семьи, Людвиг II признал ребенка своим сыном. Но ни для кого не было тайной имя подлинного отца, которого не дерзали даже называть, шокированные его низким происхождением.

В следующем 1824 году 8 августа герцогиня разрешилась вторым ребенком от той же связи, принцессой Марией.

Открытие этой тайны, о которой сплетничали при всех немецких дворах, нисколько не изменило чувств цесаревича и не поколебало его решения.

– Что с того? – говорил он. – Я люблю принцессу Марию и скорей откажусь от трона, чем от нее.

Императору Николаю пришлось, наконец, сдаться, и 16 апреля 1841 года в Зимнем дворце состоялось бракосочетание цесаревича Александра и принцессы Марии Гессенской.

Несмотря на мрачную тайну ее рождения, молодая цесаревна была приветливо принята своей новой семьей и будущими подданными. Ее признали красивой и безупречно воспитанной. Еще очень юная, Мария сумела обнаружить самые серьезные наклонности, активно занявшись благотворительностью и восхищая Святейший синод своим благочестием.

Ее можно было упрекнуть лишь в некоторой крутости нрава и в излишней скрытности и церемонности.

Молодой супруг осыпал цесаревну признаками самого трогательного внимания и нежности. Но частые беременности (при вступлении на престол в 1855 году у них было уже пять человек детей) расстроили и без того хрупкое здоровье императрицы, а суровый петербургский климат губительно отзывался на ее слабых легких.

Вынужденная по настоянию врачей вести замкнутый образ жизни, императрица вскоре заметила, что Александр охладил к ней. Гордая и замкнутая, она страдала молча, сохраняя в душе признательность к тому, кто посвятил ей свою первую любовь и сделал ее, маленькую незначительную принцессу, российской императрицей.

Александр Николаевич тем временем беспечно предавался увлечениям и капризам. Был даже период, когда казалось, что он захвачен серьезным чувством.

Предметом его нового увлечения была княжна Александра Сергеевна Долгорукая, двадцатилетняя девушка, редкого ума и красоты. Она приходилась очень отдаленной родственницей княжне Екатерине Михайловне.

Говорят, с нее писал Тургенев героиню «Дыма».

В 1860 году, в эпоху великих реформ, Александра Сергеевна сыграла важную роль. Твердой решимостью и превосходством ума она часто заставляла Александра II настойчиво действовать на том смелом пути преобразований, который он избрал. За ней установилось прозвище «La Grande Mademoiselle».

Но внезапно по неизвестным причинам эта связь была прервана. Александра Сергеевна вышла замуж за старого генерала Альбединского, которого царь поспешил назначить варшавским губернатором.

За этим увлечением следовали новые, быстро сменяясь, одно незначительней другого.

* * *

После такого количества легких успехов Александр Николаевич вначале не мог даже понять причину сопротивления Екатерины Михайловны, не допуская мысли, чтобы она могла остаться бесчувственной к его настойчивому вниманию.

Как могла она, семнадцатилетняя девочка, отвергнуть любовь императора, самодержавного властителя всей России? Разве не убеждался он сотни раз в своем неотразимом влиянии на женщин? Разве встретил он хоть раз сопротивление?

Но когда через некоторое время отношение Екатерины Михайловны к царю изменилось и она ответила искренним чувством на его упорную страсть, Александр ощутил безграничную радость, чувствуя, что он любим этим очаровательным и ласковым созданием не как царь, а как человек.

Но не успел он еще насладиться этим редким счастьем, как ее вырвали из его объятий и увезли в Неаполь.

Продолжая любить Александра, она не меньше его томилась разлукой и писала ему об этом ежедневно.

Конечно, он имел возможность вернуть ее обратно, для этого в его распоряжении было немало способов – неограниченность императорской власти не являлась пустым словом, а граф Шувалов и его тайные агенты из III Отделения справлялись и с более трудными делами.

Между тем за пределами России совершались важные события. Австрия была побеждена при Садове. Германской конфедерации грозила опасность подпасть под владычество Пруссии, а положение Люксембурга предвещало конфликт между Францией и Германией. Восстание на Крите вновь поднимало восточный вопрос.

Но ведь и монархи только люди, и короны на их венчанных головах, и «интересы подданных и царской славы», по словам Боссюэ, не в силах вытеснить их интимных мыслей и переживаний.

И теперь, несмотря на доносившийся до России зловещий шум скрестившегося в Европе оружия, несмотря на тяжелые государственные заботы, в душе Александра росло и крепло могучее чувство. Вынужденная разлука только усилила его, разжигая сладкими мечтами и воспоминаниями о пережитом счастье, и обратила, наконец, в лихорадочную страсть, неизлечимую болезнь души и тела, которая так опасна для зрелого возраста.

Отныне эта страсть не покидала царя и стала главным импульсом его жизни; она была сильнее его обязанностей супруга и отца, влияла на все направление его политики, руководила его совестью, господствуя над ним до самой смерти.

Глава третья

В 1867 году, после усиленных приглашений со стороны Наполеона III, Александр выехал во Францию, чтобы посетить всемирную выставку. В сопровождении сыновей, великих князей Александра и Владимира, он прибыл в Париж в субботу, 1 июня, и остановился в Елисейском дворце.

На следующий день царь присутствовал на бегах, после чего обедал в Тюильри. Передохнув один день, царь посетил 4 июня особо торжественное представление в опере. 5-го, будучи в Sainte Chapelle, он подвергся неприятности, столкнувшись с группой адвокатов, у которых хватило мужества крикнуть ему прямо в лицо:

– Да здравствует Польша, Monsieur!

На следующий день, когда царь возвращался из Лонгшана после военного смотра, на котором присутствовал также и прусский король, польский эмигрант Березовский произвел два выстрела в Александра, сидевшего в одной карете с Наполеоном III. Покушение было неудачно, и монархи продолжили свой путь.

Как только Александр вернулся в Елисейский дворец, ему сообщили о прибытии императрицы Евгении, что немало его удивило.

Когда она вошла, у нее дрожали руки, лицо было бледно от волнения.

Тревожные дни переживала тогда Французская империя, и роскошная обстановка всемирной выставки никого не могла ввести в заблуждение. Снаружи и внутри императорский строй трещал по всем швам. Известия, полученные из Мексики, не оставляли никакого сомнения в неизбежности грядущей катастрофы. Император Максимилиан был уже блокирован в Кверетаро, со дня на день ждали известия о его гибели.

Не меньше беспокойства внушала и Германия.

Все эти обстоятельства заставляли Наполеона III придавать особое значение приезду царя. Он надеялся очаровать своего гостя, рассеять неприятное впечатление, оставшееся у царя от политики Франции в польском вопросе, и наконец склонить его на свою сторону, чтобы ослабить, таким образом, прусское влияние в Европе.

Но, к несчастью Наполеона, обстоятельства сложились так, что посещение царя было с самого начала омрачено скандалом в Sainte Chapelle и даже покушением на его жизнь. Императрице Евгении было отчего волноваться.

А тут еще, последовав первому порыву своей экспансивной натуры, она не рассчитала сил, и, когда царь вышел к ней, ей сделалось дурно.

Великие князья Александр и Владимир отнесли императрицу на диван, а государь, взволнованный, позвал на помощь.

Но внезапно императрица поднялась и, показав знаком, что не в силах говорить, быстро вернулась в свою карету, не сказав ни слова.

В последующие дни возобновились балы и празднества; была даже предпринята экскурсия в Фонтенбло. Но обаяние торжественности было нарушено.

Опасаясь возможности нового несчастья, приближенные царя старались ускорить его отъезд из Франции.

С присущей ему любезностью Александр продолжал выражать искреннее удовлетворение пышностью приема и знаками внимания, которыми его окружали. Но все чаще обычное выражение приветливости на лице царя сменялось странной озабоченностью, взгляд его становился рассеянным и далеким.

Французская полиция была, конечно, прекрасно осведомлена о причинах странного состояния.

После шестимесячной разлуки с царем Екатерина Михайловна приехала в Париж. Она поселилась в скромном отеле на улице Басэ дю Рампар. Каждый день приходила она в Елисейский дворец, проникая туда через калитку на углу улицы Габриэль и Авеню Мариньи.

Царь посвящал ей все время, которое оставалось свободным от официальных приемов и празднований. И здесь, в прелестной тени, где бродила некогда мадам де Помпадур, где Наполеон после Ватерлоо переживал всю беспредельность своего несчастья и ужас безрадостного будущего, здесь Екатерина Михайловна еще раз услышала торжественные слова:

– При первой возможности я женюсь на тебе, потому считаю тебя навсегда своей женой перед Богом. С тех пор как я люблю тебя, другие женщины для меня не существуют.

Эти слова наполнили княжну гордой радостью.

* * *

С этих пор их связь окончательно упрочилась. В Петербурге Екатерина Михайловна снова поселилась у своей невестки, в прелестном особняке на Английской набережной, где она занимала весь нижний этаж, имея отдельных слуг и собственный экипаж. Такое положение позволяло князю Михаилу Долгорукому с большим достоинством вести ту трудную роль, которую приличие и лояльность требуют от брата фаворитки.

Во время пребывания императора в Царском Селе, в Петергофе и Ливадии Екатерина Михайловна занимала виллу поблизости. В Зимнем дворце кабинет Николая I предложил им снова свое суровое, но верное гостеприимство. В Царском Селе они встречались в маленькой комнатке в конце флигеля, перед роскошным цветником Екатерины II, поблизости от личных апартаментов царя. Вся обстановка комнаты состояла из кровати, двух стульев, стола и туалета.

* * *

Екатерина Михайловна, вся отдавшись своей любви, жила очень замкнуто. Она никогда не присутствовала на званых обедах, не посещала театров. Ее встречали лишь изредка на балах, где бывал император, которому доставляло наслаждение видеть ее танцующей. Он пожаловал княжну Долгорукую в фрейлины императрицы, чтобы дать ей возможность бывать при дворе и украшать своим присутствием официальные приемы.

Покинутая императрица, черствая и надменная, принимала с самой холодной улыбкой приветствия своей молодой соперницы.

Императрица ошибалась в оценке этого нового увлечения своего супруга, видя в нем лишь банальное приключение, к которому он охладает так же скоро, как и к предыдущим. Да и могла ли она думать иначе? Гордая и прямодушная, еще сохранившая воспоминания об их былой любви, она даже и не подозревала той святотатственной клятвы – жениться при первой возможности, – которую дал Александр в «Бабигоне». Ведь эту возможность могла создать только смерть императрицы.

Ежедневные тайные встречи наполняли влюбленных огромным счастьем. Александр Николаевич сумел создать из этой невинной девственницы упоительную любовницу. Она принадлежала ему всецело, и они не уставали говорить друг другу о своей любви.

– Любовники никогда не скучают, потому что говорят всегда о самих себе, – сказал Ларошфуко.

Однако скоро и политика стала предметом их интимных бесед. Государственные дела занимали в жизни царя слишком большое место и приносили ему столько забот, что даже в обществе своей любовницы он не забывал о них. Царь знакомил Екатерину Михайловну с вопросами государственной важности, которые ему приходилось разрешать. Он говорил с нею о самых разнообразных делах: об общем управлении империей и дипломатических перегово-

рах, об административных реформах и военном устройстве, о работе министров, повышении в чинах, о милостях и опалах, о придворных интригах, о претензиях и соперничестве в императорской семье, – о всем том тяжком труде, к которому обязывало Александра положение самодержца.

Обладая ясным умом, трезвыми взглядами и блестящей памятью, Екатерина Михайловна без труда следила за его мыслью. Иногда даже метким словом она помогала царю найти нужное решение. При ней царь мог свободно думать вслух. Мало-помалу он настолько доверился ей, что не принимал ни одного важного решения, не посоветовавшись с ней.

Сознание своей власти и высокой ответственности обычно заставляло Александра замыкаться в себе. Он мог подолгу совещаться со своими министрами, требуя от них полной открытости и допуская даже возражения, но никогда он не давал им возможности быть свидетелями сомнений и противоречий, которые нередко предшествовали его решениям. Но Кате он мог открыть всю свою душу, не стесняясь и не сдерживаясь – ее нечего было бояться.

Отказавшись от света, вся уйдя в свою любовь, она не могла быть орудием в руках какой-либо партии. То, о чем они говорили друг с другом, было тайной для всех.

Когда какое-нибудь политическое осложнение беспокоило царя, он только в обществе своей Кати находил разрешение мучивших его вопросов. Уже благодаря тому, что не приходилось следить за своими словами, он яснее разбирался в самом себе.

* * *

Александр желал, чтобы впредь Екатерина Михайловна сопровождала его во всех путешествиях и, в частности, в ежегодных поездках в Эмс, на воды.

Император со свитой занимали там обычно отель Катр-Тур, а княжна Долгорукая и сопровождавшая ее госпожа Шебеко останавливались в соседней вилле, Petit Elysee.

В июне 1870 года эта вилла узнала секреты, за которые дорого заплатило бы французское правительство: Екатерина Михайловна была вовлечена в серьезные переговоры, которые велись тогда в течение четырех дней между Александром II, Вильгельмом I, князем Горчаковым и князем Бисмарком.

Царь объяснил ей все взаимоотношения европейских держав – рискованную политику Франции, подозрительную позицию Австрии, неизбежность надвигающегося конфликта и, вследствие этого, необходимость возобновить традиционный союз России с Пруссией, обеспечив себе некоторые преимущества на Востоке.

Месяц спустя, когда кандидатура Гогенцоллерна подлила масла в огонь, Александр говорил Екатерине Михайловне:

– Видишь, я был прав. В этом деле вина Франции несомненна.

Его мнение несколько смягчилось после Седана. Внезапное крушение политики Наполеона, победоносное движение германских армий на Париж, бешеный подъем немецкого национализма, непредвиденный и неограниченный рост прусского владычества заставили Александра призадуматься.

Он сохранял, однако, свои симпатии к Вильгельму и проявлял их публично. К тому же царь считал себя неразрывно связанным с Пруссией Эмским соглашением.

29 сентября к царю явился Тьер, умоляя его стать во главе нейтральных государств, чтобы обуздать вождения Германии и принудить ее уважать европейское равновесие.

Многие находили впоследствии, что, взволнованный важностью своей миссии, Тьер ошибся в оценке приема, оказанного ему царем. Он придал слишком большое значение любезным словам царя, которые относились непосредственно к Тьеру как к знаменитому и уважаемому государственному деятелю, а не как к представителю Франции.

– Он чрезвычайно заинтересовал меня, – говорил Александр. – Какой поразительный ум! Он так глубоко верит в быстрое восстановление Франции, что нашел даже возможным предложить мне союз с ней. Это большой патриот, и у него благородное сердце. Я хотел бы что-нибудь для него сделать.

Но царь ничего не сделал. Он не понимал еще тогда опасности, какую представляло для России создание великой объединенной Германии. Ему пришлось понять это только три с половиной года спустя, когда наступил кризис 1875 года.

* * *

Той же осенью серьезное, интимное и вполне естественное событие нарушило спокойное счастье любовников. Екатерина Михайловна почувствовала себя беременной. В ней это событие, пробудив материнский инстинкт, вызвало гордую и яркую радость.

Но Александр был потрясен. Его угнетало сознание, что положение Екатерины Михайловны обнаружит ее незаконную связь с ним и послужит поводом для всякого рода сплетен и пересудов.

Конечно, страх перед тайной канцелярией внушал всему русскому обществу такое почтение к императорской особе, что никто не рискнул бы злословить громко. Но Александр отлично знал, что за закрытыми дверями, в суетных и злобных перешептываниях будут беспощадно трепать и порчить имя его возлюбленной.

Любя Екатерину, восторгаясь идеальными формами ее тела, Александр огорчался также будущими переменами в ее внешности. Помимо этого, его терзал суеверный страх: ему казалось, что материнство грозит Екатерине смертельной опасностью.

Но все обошлось прекрасно. Беременность проходила благополучно, без всяких осложнений. Внешний вид Екатерины Михайловны так мало изменился, что даже невестка ее, в доме которой она жила, не замечала ее беременности. Фотография Екатерины, сохранившаяся от восьмого месяца беременности, не обнаруживает никаких изменений в ее фигуре.

11 мая Екатерина Михайловна почувствовала первые приступы болей. Чтоб сохранить все в абсолютной тайне, император решил, что при первых симптомах Екатерина Михайловна переедет в Зимний дворец в интимные апартаменты Николая I, бывшие обычным местом их встреч. Скрытые проходы, потайная лестница и, наконец, строгое запрещение входа туда кому бы то ни было надежно изолировали эту часть дворца.

Не предупредив ни свою невестку, ни даже горничную, молодая женщина одна направилась в карете в Зимний дворец, куда она вошла, по обыкновению, через низенькую дверь, открыв ее своим ключом.

Император, предупрежденный, немедленно спустился к ней и провел с ней около часу. Но внезапно боли утихли. Решив, что тревога преждевременна, Екатерина Михайловна спокойно уснула на голубом репсовом диване – в этой уединенной комнате, где со времени Николая I ничего не изменили, не было даже кровати.

Убедившись в том, что боли прекратились, Александр Николаевич вернулся к себе и лег.

Екатерина Михайловна осталась одна. В случае надобности в ее распоряжении был только ветеран-гренадер, охранявший дверь ее комнаты. Этот солдат в три часа ночи разбудил императора. Доверенный слуга побежал за врачом и повивальной бабкой.

С минуты на минуту состояние Екатерины становилось тревожнее. Она металась в страшных болях. Александр, бледный от волнения, держал ее за руки и старался ободрить нежными словами.

Наконец прибыл доктор Красовский в сопровождении акушерки. Прежде, чем он начал осматривать больную, царь сказал ему тоном, каким отдавал приказания:

– Если это необходимо, пожертвуйте ребенком. Но ее спасите какой бы то ни было ценой.

Только в половине десятого утра Екатерина Михайловна родила сына.

Был воскресный день. Весь двор ожидал императора к обедне, и он был вынужден на время покинуть свою возлюбленную.

Ребенок, красивый и здоровый, получил при крещении имя Георгия. В тот же день его поместили в скромном доме в Мошковом переулке, где жил генерал Рылеев, начальник личной охраны царя. Находясь между Мойкой и длинными стенами императорских конюшен, это место было мало посещаемо. Кроме того, у дома генерала Рылеева постоянно несли караул жандармы, которые не разрешали никому тут задерживаться.

Новорожденный был доверен заботам русской кормилицы и гувернантки-француженки.

* * *

Несмотря на всю таинственность обстановки родов, известие все же быстро распространилось. Германский посол князь де Реус, содержавший превосходный штат осведомителей, первый узнал об этом событии. Он же сообщил о нем невестке Екатерины Михайловны, для которой эта весть явилась полной неожиданностью.

Императорская семья и особенно приближенные цесаревича были в ужасе. Любимые братья императора, великие князья Константин и Николай, и его престарелая кузина, великая княгиня Мария Павловна, были также страшно потрясены. К их негодующему огорчению примешивался еще страх перед возможностью введения в царскую семью этого незаконнорожденного ребенка.

Императрица Мария, которая, конечно, не последняя узнала об этом событии, ничем не проявляла своего отношения к нему. Молчаливая, холодная и замкнутая, она ни с кем не делилась своими переживаниями. Но с этого времени ее скрытая болезнь, сделавшая ее такой тщедушной, несмотря на ее величественность, начала быстро развиваться.

Волнение в императорской семье скоро передалось аристократическим кругам Петербурга и Москвы. Такие высокие представители родовой знати как князь Паскевич, женатый на графине Воронцовой, князь Щербатов, князь Орлов-Давыдов, женатый на княгине Барятинской, Воронцов-Дашков, женатый на графине Шуваловой, и княжна Куракина, старшая фрейлина цесаревны, уделили этому особенное внимание.

В этом обществе строго осуждали поведение императора. Если раньше они смотрели сквозь пальцы на его романтическую связь, то теперь их приводила в негодование невозможность продолжать ее игнорировать.

Всех возмущала и разница в возрасте обоих возлюбленных, и неспособность царя пятидесятичетырехлетнего, уже дедушки, быть господином своих страстей. Слабое здоровье императрицы вызывало беспокойные мысли: сегодняшняя любовница может вскоре стать законной супругой императора, и, кто знает, не будет ли она претендовать на еще более высокую роль?

Общее недовольство усилилось к концу 1873 года, когда узнали, что фаворитка государя родила второго ребенка, девочку, которую назвали Ольгой.

На этот раз император узнал о тех упреках, которые откровенность его адюльтера вызвала со всех сторон. Граф Петр Шувалов, начальник его тайной канцелярии, имел мужество ему это открыть. Никто не имел больше Шувалова прав на то, чтобы сделать царю это сообщение; во-первых, оно соответствовало его официальным обязанностям, в круг которых входило, между прочим, и наблюдение за «состоянием умов» общества; во-вторых, он рассчитывал и на свой моральный авторитет по праву высокого происхождения, богатства и личных достоинств.

Несмотря на доверчивую дружбу, которую царь питал к Шувалову, он выслушал его холодно и надменно и, казалось, нисколько не был смущен тем, что говорят и думают о его личной жизни.

Но несколько времени спустя начальник тайной канцелярии, великий инквизитор империи, совершил серьезную оплошность. Он упустил из виду, что система доносов, которую он так успешно насадил во всех слоях общества, применялась также и к нему.

Однажды вечером, беседуя в кругу некоторых, наиболее интимных своих друзей, в которых он абсолютно был уверен, граф Шувалов высказал несколько резких мнений по адресу Екатерины Михайловны. Он говорил, что император находится всецело под ее влиянием, смотрит на все ее глазами и способен на самые ужасные безумства, чтобы доказать ей свою любовь. Разгорячившись, он имел неосторожность злобно крикнуть:

– Но я ее сокрушу, эту девчонку!

На другой же день весь этот разговор был передан генералу Рылееву, который поспешил сообщить о нем императору.

Александр ничем не выказал Шувалову своего недовольства, но твердо решил, однако, удалить его от своей особы и, следовательно, лишить его поста начальника III отделения своей канцелярии.

Немного времени спустя, в начале июня 1874 года, когда царь находился в Эмсе на водах, граф Шувалов явился к нему с обычным докладом.

Император принял его очень сердечно.

– Поздравляю тебя, Петр Андреевич, – сказал царь.

– Могу ли я узнать, чем вызвано поздравление вашего величества?

– Ты назначаешься моим послом в Лондон.

Несколько дрогнувшим голосом Шувалов рассыпался в благодарностях.

Сменив Шувалова, царь решил не ставить во главе тайной канцелярии особу высокого положения, какою был Петр Андреевич и его предшественники: Бенкендорф, Долгоруков и Орлов, а назначить человека, который при всех обстоятельствах будет лишь слепым орудием царской воли. Эту должность получил генерал Потапов.

* * *

Александр II был чрезвычайно озабочен судьбой своих незаконных детей. Чтобы скрыть их происхождение, он приказал окрестить их тайно, и из особой предосторожности собственноручно уничтожил акт об их крещении. Но, поразмыслив, он представил себе все неудобство и унижительность положения этих несчастных детей от его плоти и крови, которые были так дороги его душе.

Основные законы империи предоставляли Александру необходимые способы для создания детям Екатерины Михайловны законного положения. Там значилось: «Император всероссийский есть самодержавный монарх, обладающий неограниченной властью. Сам Господь приказывает подчиняться его верховной власти не за страх, а за совесть».

В отдельных случаях личные распоряжения государя могли даже находиться в прямом противоречии с действующими законами. Таким образом, каждое решение, подписанное царем, независимо от его содержания приобретало характер и силу закона.

Императорские указы объявлялись обычно через Правительствующий сенат, который, несмотря на свой громкий титул, являлся лишь высшей судебной инстанцией; но государь имел право решать, чтобы тот или иной из его указов не был объявляем никому.

При этих условиях Александр мог легко создать своим детям вполне законное положение.

Некоторое время он колебался над тем, какую фамилию дать им. Казалось, самое простое было закрепить за ними имя матери, славное имя Долгоруких. Но Александр не мог допустить, чтобы дети, происходившие от него, были прикреплены к мужской линии рода, который мог от них отречься. Раз отцом их был Романов, не было ли проще и естественней образовать из

них новую ветвь, которая распустилась бы, как свежая прививка на старом родословном древе. Однако Александр не остановился на этом решении, так как не хотел отрывать всецело детей Екатерины Михайловны от рода ее предков.

Через предков со стороны отца, в частности через Владимира Мономаха, Екатерина Михайловна относилась к потомкам Рюрика. Один из наиболее знаменитых ее предков, князь Юрий, восьмой сын Мономаха, в 1147 году основал Москву.

Вдохновленный этим славным воспоминанием, Александр II пожаловал детям своей любовницы имя «Юрьевских», прибавив к нему титул «светлейших князей».

11 июля 1874 года император собственноручно подписал указ, который должен был пока оставаться тайным, и поручил хранить его своему верному генерал-лейтенанту Рылееву.

Документ был такого содержания:

«Указ Правительствующему сенату. Малолетним Георгию Александровичу и Ольге Александровне Юрьевским даруем мы права, присущие дворянству, и возводим в княжеское достоинство с титулом «светлейший». (Подпись) Александр.

Царское Село. 11 июля 1874 года».

Этим указом царь не только дал своим детям имя, которое косвенно прикрепляло их к материнской линии, но и право именоваться «Александровичами», как бы признавая себя, таким образом, официально их отцом.

Шувалов не преувеличивал, высказывая мысль, что государь смотрел на все глазами своей любовницы. Но было бы верней, если бы он сказал, что эта молодая женщина со слабо развитой индивидуальностью сама видела вещи в том освещении, которое придавал им император, не влияя, таким образом, на него, а лишь отражая его взгляды.

1875 год начался плохими предзнаменованиями. Конфликт между Францией и Германией казался неизбежным. Ссылаясь на некоторые выступления французских епископов по поводу «культуркампа», Бисмарк обвинял Францию в том, что она желает нарушить общий мир, чтобы добиться реванша.

Цель, которую преследовал Бисмарк этой тактикой клеветы, не замедлила обнаружиться.

Князь Горчаков, обеспокоенный происходящим, заставил выслушать свои разумные советы на Вильгельмш-трассе. Казалось, атмосфера несколько разрядилась. Но вскоре немецкая пресса возобновила свою кампанию против Франции, и Александр почувствовал, что лишь он один, личным вмешательством, сможет ослабить германскую заносчивость, и решил немедленно отправиться в Германию для переговоров с Вильгельмом.

Несмотря на непродолжительность его поездки, вызванной чрезвычайно важными причинами, и необходимость все свое время отдавать официальным приемам и переговорам, Александр не мог отказать себе в удовольствии взять с собой Екатерину Михайловну.

10 мая царь прибыл в Берлин в сопровождении князя Горчакова и остановился в здании русского посольства на Унтер-ден-Линден. Княжна Долгорукая, приехав в тот же день, поселилась в соседнем отеле.

Немедленно принятый императором Вильгельмом, царь решительно объявил ему, что не допустит нападения на Францию. Вильгельм с кроткой улыбкой отрицал свое намерение выступить против Франции. Однако тотчас же он принялся в суровых выражениях осуждать французское правительство и народ. Он ссылаясь на своего канцлера, который полностью осветит Александру его недовольство Францией.

Через день Бисмарк получил аудиенцию в русском посольстве, в одном из просторных салонов первого этажа. Разговор был продолжителен, серьезен и решителен.

После этой беседы Александр прошел в отведенную ему по его собственному желанию скромно меблированную комнату с окнами во двор. Там ждала его княжна Долгорукая.

Он тотчас же передал ей содержание разговора с канцлером:

«Бисмарк представил мне те же запутанные объяснения, которыми он пытался вчера убедить Горчакова. Дав ему высказаться, я категорически предупредил его, что никогда, ни под каким предлогом не позволю атаковать Францию. Если я не останусь нейтральным, сказал я Бисмарку, Германия будет бессильна чего-либо достичь. Но предупреждаю вас, я не буду сохранять нейтралитета.

Тогда Бисмарк начал доказывать мне, что Франция становится опасной для германского народа. Она оправляется слишком быстро и нужно поспешить образумить ее, прежде чем она восстановит свое военное могущество. Он дошел до того, что сказал мне: «Сегодня еще мы можем без особого труда вступить в Париж, но вскоре будем уже бессильны это сделать».

На этом я прервал его, повторив самым решительным тоном, что никогда не допущу нападения на Францию. Тут Бисмарк начал клясться мне, что у него лично нет никаких воинственных намерений.

Ты видишь, я правильно поступил, говоря с ним в таком решительном тоне».

В тот же вечер на придворном балу Александр II заявил французскому посланнику де Гонто Бирону:

– Впредь вы можете быть вполне спокойны. Император выразил мне свое глубокое отвращение к войне и твердое желание поддержать мир.

Узнав об этих утешительных словах, французский министр иностранных дел герцог Деказ правильно определил все их значение. «Мы избегли страшной опасности, – писал он. – Нас хотели поставить перед дилеммой: либо разоружиться, либо подвергнуться нападению. Нам была необходима внешняя поддержка. А могли ли мы на нее рассчитывать! Но старая Европа наконец проснулась!»

Удовлетворенный успехом в сохранении мира в Европе, Александр II вернулся в Петербург.

Там его ждала весна, которая так прелестна на севере.

Царское Село вновь увидело возлюбленных, блуждающих между зеленью и мраморными бассейнами.

Июнь близился к концу, когда княжна Долгорукая вновь почувствовала себя беременной.

23 марта 1876 года она родила сына Бориса, который скончался несколько дней спустя от детской болезни.

Глава четвертая

В 1876 году сильная волна национализма захватила Россию.

Весь Балканский полуостров был охвачен пламенем и залит кровью. Болгары, боснийцы, черногорцы и сербы отчаянно боролись за свое освобождение от турецкого ига.

Под влиянием горячих и красноречивых выступлений Аксакова, Самарина, Каткова и Тютчева идеи ортодоксального панславизма снова овладели русскими умами.

В опьяняющей атмосфере московского Кремля увлекались мечтами о Царьграде, Золотом Роге, св. Софии, заветах Петра Великого, о провиденциальной цели русского народа. Все повторяли за Аксаковым:

– История России священна. Она должна быть читаема, как Священное писание.

Вскоре все слои общества, от дворянства до крестьян, от интеллигенции до купцов, были объаты экзальтированным бредом национального мистицизма. Лишь редко попадались люди, избегнувшие этой заразы, и еще реже такие, которые решались открыто в этом признаться.

Один из таких смельчаков, князь Вяземский, писал своему другу: «Все, что мы собираемся предпринять для разрешения восточного вопроса, представляется мне каким-то кошмаром. Неужели должны мы жертвовать своей кровью для процветания сербов? Пусть сербы борются за сербов, болгары за болгар, а русские за русских. Это безумие с нашей стороны считать себя больше славянами, чем русскими.

Религия тут ни при чем. Война религиозная – худшая из войн. Это аномалия и анахронизм. Турок нельзя осуждать только за то, что Бог создал их мусульманами, и нельзя требовать от них христианских добродетелей. Это абсурд. Изгоните их из Европы, если вы в силах, или окрестите их, если сумеете с этим справиться; если же нет – то оставьте в покое и турок и восточный вопрос».

Это вполне совпадало со взглядами Александра, который высказывал их много раз в кругу своих министров.

В беседах на эту тему с Екатериной Михайловной царь признавался, что война внушает ему непобедимый ужас.

Но воля самого могущественного самодержца – ничто, когда на сцену выступают глубокие, темные, стихийные силы, веками копившиеся в народной душе.

В первых числах апреля 1877 года последние шансы на мир рухнули. Переговоры между Петербургом и Константинополем являлись лишь пустой формальностью. Одна часть русской армии была уже сконцентрирована в Бессарабии, другая – на южной границе Кавказа.

Следуя примеру своего отца, Николая I, который в 1828 году лично присутствовал при такой же операции, Александр II решил во время перехода через Дунай находиться среди войск. 24 апреля он прибыл в Кишинев, чтобы оттуда дать первый приказ о выступлении.

В торжественном манифесте царь обращался к солдатам: «Давая вам приказ о нападении на Турцию, я благословляю вас, дети мои».

В этом скучном бессарабском городке царь ожидал дня, когда сможет присоединиться к своей армии на северном берегу Дуная. 5 мая прибыла туда княжна Долгорукая, чтобы провести с ним несколько дней.

В конце мая государь узнал, что великий князь Николай назначил 6 июня днем перехода через Дунай и что операция совершится в Симнице, против Свистова. Царь выехал туда 5 июня. Теперь, когда жребий был брошен, нужно было с честью выдержать испытание.

Еще 9 апреля Александр, делая смотр войскам в провинции, писал княжне Долгорукой: «Из письма моего брата [великого князя Николая Николаевича] с удовлетворением вижу, что приняты все меры к тому, чтобы войска могли выступить по первому приказу. Пусть Бог при-

дет нам на помощь и благословит наше оружие. Я знаю, что никто лучше тебя не поймет, что происходит во мне в ожидании начала войны, которой я так хотел избегнуть».

На следующий день он писал ей: «Получил известие о том, что наше предложение отвергнуто, но ни слова о приезде посла, что, вероятно, будет отклонено. Только тогда мы сможем фиксировать начало военных действий и обнародовать манифест. Признаюсь, все это преследует меня как кошмар».

С этого времени события разворачиваются с молниеносной быстротой. 24 апреля русский поверенный в делах Нелидов вручает великому визирю в Константинополе объявление войны.

В тот же день бессарабская армия под командой великого князя Николая переходит Прут и направляется к Дунаю. Одновременно кавказская армия во главе с великим князем Михаилом вторгается в турецкую Армению.

В четвертый раз за пятидесятивосьмилетний период двуглавый царский орел, некогда явившийся из Византии в Москву через наследника Палеологов, нападает на турецкую империю.

* * *

Русское общественное мнение, возбужденное и нетерпеливое, в самом начале испытало большое разочарование.

Движение армий к Дунаю совершалось со страшной медленностью, так как в распоряжении военного штаба были лишь два пешеходных пути и одна железная дорога.

Климатические условия также чрезвычайно затрудняли военные операции. Проливные дожди в течение всего мая превратили молдавскую равнину в сплошное гигантское болото. Солдаты выбились из сил, обозы с провиантом увязали в грязи. При таких условиях понадобилось полтора месяца, чтобы доставить двухсоттысячную армию на левый берег Дуная. Стратегическое развертывание закончилось только 1 июня.

Прощание любовников потрясло их обоих. Они обменялись, однако, лишь немногими словами, и глаза их оставались сухи. Самые глубокие их переживания всегда были безмолвны, так как бесконечно превосходили возможность выражения. Они замерли в долгом объятии, уста к устам, чувствуя, что души их отлетают, как если бы жизнь их покидала...

В сопровождении своих сыновей, великих князей Александра, Владимира и Сергея, князя Горчакова, военного министра генерала Милютина и бывшего посланника в Константинополе генерала Игнатьева государь прибыл 6 июня в Плоешти, близ Бухареста.

Там ожидала его большая неприятность. Возобновились проливные дожди. В результате Дунай катил свои мутные воды на такой высоте, какой не достигал сорок лет, и затопил всю Валахскую равнину. 7 июня он был еще на пять метров выше своего обычного уровня. Переправа, откладываемая со дня на день, совершилась только 27 июня.

Русские войска блестяще развивали свой первоначальный успех. 7 июля, лишь десять дней спустя после перехода через Дунай, русский флаг уже развевался в Тырново, древней столице болгар.

В России нетерпение в связи с неудачами последних месяцев сменилось бешеным энтузиазмом. К концу июля будет взят Адрианополь! В конце августа мы будем в Византии, и крест снова будет водружен на ев. Софии!

В Европе с тревогой наблюдали за быстрым ходом этих событий. Особенно взволнован был Лондон. Во всех английских газетах одно и то же: «Надо остановить русских».

С беспокойством следил император за европейскими настроениями. 30 июня он откровенно писал Долгорукой: «Множество депеш. Венские удовлетворительны, лондонские гнусны. Самое любопытное то, что там, даже в министерстве, большинство высказывается про-

тив войны, что, конечно, ни от чего не гарантирует, так как эта сука Биконсфильд решает все собственной башкой».

Но не одни политические и стратегические соображения поглощали внимание Александра. Те ужасные зрелища, которыми изобилует война: пожары, разрушения, избиения, раненые, агонизирующие, мертвецы – все это терзало гуманное сердце Александра. Он постоянно делился своими впечатлениями с Екатериной Михайловной, перемежая их словами любви и нежности к ней.

«После обеда, – пишет он 5 июля, – я пошел посмотреть двух несчастных болгар, зверски замученных турками. Казаки нашли их на дороге, ведущей из Никополя в Систово, и принесли в госпиталь Красного Креста, находящийся в ста шагах от моего дома.

Я пригласил полковника Уэлсли, английского военного атташе при Главном штабе, обещавшего вместе с моей свитой, пойти со мной – пусть полюбуется зверством покровительствуемых ими турок.

Один из этих несчастных скончался незадолго до нашего прихода, и убитая горем жена его рыдала над трупом. Его голова была раздроблена двумя крестообразными ударами сабли. У второго три раны. Надеются его спасти. Его молодая жена тоже все время при нем».

* * *

В то время как войска под командой великого князя Николая продолжали развивать свое молниеносное наступление и блестящий генерал Гурко одним великолепным ударом овладевал укреплениями на Шипке, турки быстро оправлялись от поражения, организовывали отпор и неожиданно выказали себя отличными воинами, какими, впрочем, и были на всем протяжении истории.

20 июля русские потерпели под Плевной кровавое поражение.

Александр писал в тот же вечер своей возлюбленной:

«Наша огромная ошибка состояла в том, что генерал Крюденер, зная о численном превосходстве турок, решился все же атаковать их согласно полученного приказа. Если бы у него хватило мужества послушаться, тысячи человеческих жизней были бы спасены и мы избегли бы полного поражения, так как, нужно сознаться, мы разбиты наголову. К счастью еще, турки не преследовали бежавших, а то немногие бы из них уцелели.

Сегодня утром получил более удовлетворительные известия из Лондона. Англичане переменили тон и готовы употребить все свое влияние на Турцию, чтобы принудить ее просить у нас мира на тех условиях, которые мы ей предложим. Боюсь только, как бы поражение под Плевной не заставило их снова изменить позицию, еще усилив этим, дерзость турок».

Это было, действительно, бедствие, еще увеличившееся десять дней спустя новым поражением.

Пришлось приостановить наступление по всей линии Балкан и даже приказать генералу Гурко отойти за высоты, которыми он так блестяще овладел.

Главный штаб, помещавшийся в Тырново, должен был поспешно сняться и отступить к северу, на Белую Церковь, а императорская квартира была перенесена в деревню Горни Студена, в 25 километрах от Дуная. Наконец, как ни тяжело это было для русского самолюбия, пришлось прибегнуть к помощи румын. 40 000 румынских солдат под командой принца Карла вскоре присоединились к русской армии для содействия осаде Плевны.

В то же время с Кавказа приходили печальные известия. После военных действий, начавшихся очень удачно, войска великого князя Михаила принуждены были снять осаду Карса и вслед за этим спешно эвакуироваться из Армении. Во время отступления Мухтар-паша разбил их наголову при Кизил-Тэпэ.

Вдобавок, дипломатический горизонт заволакивался тучами.

Идеи британского империализма овладели английскими умами. Тон «Форин офис» становился угрожающим. Сама королева Виктория заражалась воинственным настроением. Гарнизон Мальты получал непрерывные подкрепления.

Александр II содрогался от негодования при каждом новом известии из Лондона. 28 августа он писал княжне:

«Уэльслей вернулся из Лондона. У него создалось весьма дурное впечатление от настроения английского общества по отношению к России. Несмотря на это, он принес мне самые решительные заверения своего правительства в том, что оно сохранит нейтралитет и желает нам успеха в возможно быстром заключении мира. В то же время он предупредил меня, что, если война затянется до будущего года, Англия примет сторону Турции против нас.

На мой вопрос о причинах такой возможности Уэльслей не нашел ничего иного, как ответить мне: «Английское правительство не сможет долее противиться желанию своего народа начать войну с Россией».

Вот образчик их логики. Каковы каналы!»

12 сентября Осман-паша нанес третий удар русской армии под Плевной. Из 80 тысяч человек, осаждавших эту крепость, 14 тысяч были выведены из строя в течение двух часов. Под тяжким впечатлением этого несчастья Александр писал своей любовнице:

«О, Господи, помоги нам и прекрати эту ужасную войну во славу России и во благо христианства. Это крик сердца, тебе принадлежащего, который никто не поймет так, как ты, мой кумир, мое сокровище, моя жизнь».

Поражение 12 сентября грозило всей русской армии серьезной опасностью.

На следующий день под председательством императора состоялся военный совет. Все участники с глубоким волнением обсуждали дальнейший план. Вызвать ли подкрепление, которое при наличии единственного железнодорожного пути через Молдавию может прибыть только через два месяца? Предпринимать ли зимнюю кампанию в случае прибытия подкрепления в суровых условиях болгарской зимы, когда уже теперь балканские вершины покрыты снегом? Как обеспечить провиантом большую армию в этой гористой стране без дорог, которая к тому же была совершенно разорена войной? Или отойти на левый берег Дуная, прикрывая отступление императорской гвардии, которая только теперь была введена в строй?

За последние несколько недель полицейские донесения, получаемые императором, отмечали по всей России признаки сильного возбуждения. Каково же будет настроение общества, если оно узнает, что все достигнутое ценой таких страшных усилий потеряно и 60 тысяч человек бесплодно принесены в жертву? Как примирится Россия с этим страшным национальным унижением, с этим «бегством от турка»?

Нет, какой бы то ни было ценой нужно оставаться в Болгарии. И это решение одержало верх.

Но ни император, ни великие князья и генералы, участвовавшие в этом совещании, не заблуждались относительно тех ужасных испытаний, которые готовила зимняя кампания.

Сколько еще нужно будет принести жертв, чтобы иметь возможность возобновить наступление!

Приходилось думать не только о тех потерях, которые причинит огонь неприятеля на поле битвы или в траншеях, но и о том страшном биче, в сто раз более губительном, который уничтожил столько русских армий, – об эпидемиях холеры, тифа и дизентерии.

Император покинул военный совет с тяжелым сердцем, встревоженный и опечаленный. Как всегда, он облегчил свою душу письмом к княжне Долгорукой, которая все больше и больше становилась его убежищем, опорой и утешением.

Ей одной царь решался признаться в том непобедимом отвращении, физическом и моральном, которое внушали ему все жестокости войны. Оно поддерживалось и усиливалось

в нем ежедневными посещениями походных госпиталей и лазаретов. В его письмах постоянно звучит: «Эти зрелища заставляют мое сердце сочиться кровью, и я едва удерживаю слезы»...

* * *

Решившись не прерывать на зиму балканской кампании, Александр II пожертвовал стратегическими аргументами соображениям политического характера. И он был прав: следовавшие одни за другими неудачи в Болгарии и Армении подняли во всей России бурю негодования. Напрасно старалась цензура сокращать печальные известия. Лаконичность официальных донесений только расширяла поле для пессимистических выводов.

Вначале сильнее всего было чувство общего недоумения. Не могли и не хотели верить, что после двадцатилетнего перерыва царское правительство обнаружит перед всем светом те же недостатки и пороки, которыми грешило оно во время крымской кампании.

Вскоре, однако, это недоумение сменилось жестоким и суровым гневом, который проявлялся сильнее всего в националистических кругах Москвы. Со всех сторон заявляли о слабости и бездарности правительства, возмущались нерадением и взяточничеством в среде администрации, невежеством и неспособностью генералов. Изошрялись в саркастических нападках и обидных насмешках по адресу великих князей Николая, Михаила, Александра и Владимира, поставленных во главе командования лишь по личной милости царя и совершенно не способных справиться с этой ответственной задачей. Осмеливались нападать даже на императора.

Что он делает там, в императорской квартире, в Горни Студена? Чем оправдать это недопустимое бездействие?

Газеты, упоминая о нем, отмечали только, что он приветствовал войска, посещал лазареты, ободрял раненых, молился на могилах. Все это, конечно, трогательно. Но разве исчерпывается этим вся роль монарха?

Не желая принять на себя фактическое командование армией, почему остается он на фронте? Почему не возвращается в столицу, чтобы снова взять в свои руки бразды правления?

Доходили даже до того, что подвергали критике государственное устройство и даже самую идею царизма. Во многих салонах Москвы открыто заявляли о необходимости изменить образ правления, который являлся виновником стольких зол. А пылкий поборник ортодоксального панславизма, главный вдохновитель войны, Иван Сергеевич Аксаков имел мужество требовать немедленного созыва Национального собрания.

* * *

С первых дней октября установились суровые морозы. Дул северный ветер, и снежные ураганы беспрерывно бушевали в горах Болгарии.

Заклученный в скучной деревушке, царь проводил томительные дни. Труд и заботы, тяготевшие над ним, постоянные усилия овладеть своими нервами и сохранять при посторонних бесстрастный вид могли бы надломить и более крепкое здоровье.

Но самым суровым испытанием для Александра были вечера, когда он оставался один со своими мыслями, с мелькающим перед ним образом Екатерины и ужасной тоской в сердце.

Врачи, обеспокоенные его резким исхуданием и бессонницей, настойчиво советовали царю вернуться в Петербург. Но он упорно отказывался от этого.

– Я не покину своей армии, пока Плевна не будет взята, – говорил царь.

Но, несмотря на морозы и лишения, армия Осман-паши упорствовала в своем героическом сопротивлении.

С 19 июля, дня первой атаки, эти 60 тысяч человек, плохо обмундированных, запертых в импровизированных укреплениях балканского местечка, оторванных от всего света, гибнущих

от голода и тифа, не получая ни припасов, ни амуниции, ни подкреплений, выдерживали напор трех корпусов русской армии, всей императорской гвардии и сорока тысяч румын.

Создавшееся положение сильно волновало Европу. Все противники русского государства подняли голову. Венгерцы, которые не могли простить Романовым своего поражения в 1849 году, особенно шумно заявляли о своих симпатиях к туркам и старались втянуть своего монарха в войну. Но Франц Иосиф, удививший мир своей неблагодарностью во время крымской кампании, на этот раз делал вид, что сочувствует русским неудачам, пытаясь, однако, под шумок получить в Константинополе право занять Боснию и Герцеговину в виде компенсации за свой нейтралитет.

Подозревая венскую интригу, Александр чувствовал, как со дна его души подымается старая ненависть к Габсбургам. «Депеши, полученные мною из Вены, испортили мне немало крови», – пишет царь 6 октября княжне Долгорукой. И он подробно рассказывает ей о преступном плане венгерцев, которые формируют отряды вольных стрелков в Карпатах, угрожая сношениям русской армии в Румынии.

К концу октября стало очевидным, что Плевну не удастся взять силой и нужно покориться необходимости осаждать крепость до тех пор, пока голод и бомбардировка не принудят ее защитников к капитуляции.

12 ноября великий князь Николай узнал от пленных, взятых при штурме одного из бастионов, что офицеры и солдаты осажденного гарнизона получают не больше пятидесяти граммов хлеба в день на человека, щепотку риса и по три початка маиса.

Николай Николаевич решил, что наступил момент предложить Осману-паше сдаться «из чувства гуманности», так как впредь всякое сопротивление бессмысленно. «Я сумею, – писал он в заключение, – почтить вас и ваших храбрых солдат-воинов, достойных уважения и почтения».

Осман-паша ответил на это: «Хоть я и разделяю чувства гуманности, которые ваше высокочество пожелало мне выразить, но я ни на минуту не допускаю мысли о возможности заставить моих храбрых солдат сложить оружие. Моя славная армия и я решили пролить нашу кровь до последней капли за честь родины и в защиту ее прав».

Опечаленный этим гордым ответом, царь снова впал в состояние беспокойства и огорчения.

Но вот 19 ноября Александр получил радостное известие. Генерал Лорис-Меликов овладел, наконец, Карской крепостью, которую турецкие войска отстаивали в течение четырех месяцев. Это известие сильно ободрило и подкрепило осаждавших Плевну.

10 декабря на заре сквозь густой, холодный туман часовые русских аванпостов, окружавших Плевну, заметили большое движение в турецких траншеях. Вскоре небольшая армия Осман-паши выстроилась на равнине и внезапно в могучем порыве бросилась на русские укрепления, надеясь прорвать их. Это был весь гарнизон Осман-паши, около 38 тысяч человек.

После шестичасовой упорной борьбы эти мужественные солдаты овладели первой линией неприятельских укреплений. Но в это время введенная в бой русская артиллерия принялась беспощадно обстреливать их с трех сторон. Только тогда Осман-паша, тяжело раненный, склонился пред судьбой. Отказавшись подписать капитуляцию, он сдался на милость победителя с остатками своей славной армии.

Александр II велел отслужить благодарственный молебен в главном редуте завоеванной крепости. Вслед за этим он приступил к щедрой раздаче орденов и наград.

Когда церемония близилась к концу, присутствующие были поражены, увидя приближающуюся карету, в которой весь в перевязках сидел Осман-паша.

За день до того, когда его перевозили в Свистов, чтобы оттуда отправить в Бухарест, начальник конвоя получил приказ вернуть Осман-пашу в Плевну. Царь требовал, чтобы Осман-паша передал ему лично свою шпагу.

Узнав об этом жестоком требовании, таком странном со стороны рыцарски благородного монарха, турецкий герой просто заметил: «Не думал, что заслуживаю такого унижения».

Прибыв на редут, где ожидал его император, окруженный всем штабом, Осман-паша сошел с кареты, поддерживаемый солдатами, которые почти донесли его до государя. Несмотря на повязки и мучительную боль от раны, Осман-паша, отвергнув постороннюю помощь, сам вынул свою шпагу из ножен и благородным движением вручил ее победителю.

Александр судорожно сжал ее в руке и, обращаясь к Осман-паше, сказал: «Я возвращаю вам вашу шпагу. Храните ее в знак моего восхищения и уважения».

Глава пятая

Взятие Плевны дало возможность русской армии возобновить свой переход через Балканы. Наскоро выработав со своим штабом программу дальнейших операций, Александр II поспешил вернуться в Петербург.

Он прибыл туда 23 декабря в 10 часов утра. Члены императорской фамилии, придворные сановники и министры, духовенство, Государственный совет и Правительствующий сенат в полном составе торжественно ожидали его прибытия на площади Николаевского вокзала.

Бесчисленное множество людей наводняло площадь, Невский проспект и прилегающие к нему улицы. Это не была банальная толпа, обычно создававшая себе развлечение из подобных зрелищ. Собравшиеся были серьезны и молчаливы, глубоко взволнованны и сдержанны.

Как только государь показался, толпа встретила его бурей восторженных криков. Казалось, он олицетворял собой исполнение всех честолюбивых замыслов, всех упований святой православной Руси.

Но когда он приблизился настолько, что можно было ясно разглядеть черты его лица, все были поражены той страшной переменой, которая произошла в нем за время его отсутствия.

Один очевидец так передавал общее впечатление: «Когда царь уезжал на войну – это был высокий и красивый воин, державшийся очень прямо, несколько склонный к полноте. Когда он возвратился, его с трудом можно было узнать. Щеки отвисли, глаза потускнели, фигура согнулась, все тело так исхудало, что казалось, это лишь кожа да кости. Несколько месяцев было достаточно, чтобы он превратился в старика».

Отделавшись от официальных церемоний и семейных обязанностей, царь уединился со своей Катей.

* * *

1 января великий князь Николай Николаевич начал переход через Балканы. В самый разгар зимы, при двадцатиградусных морозах, наступая на ожесточенного неприятеля, отчаянно цеплявшегося за естественные препятствия, русские войска овладевали постепенно всеми укреплениями, охранявшими уступы Шипки...

31 января великий князь Николай Николаевич и турецкие уполномоченные подписали в Адрианополе перемирие в то время, как русская кавалерия быстро приближалась к Мраморному морю.

Это приближение чрезвычайно встревожило Европу, и в особенности Англию. Британская эскадра тотчас же вошла в Дарданеллы и бросила якорь у Принцевых островов, в пяти милях от Константинополя.

Великий князь Николай принудил, однако, турок подписать Сан-Стефанский договор, которым установилась русская гегемония на всем Балканском полуострове, от Дуная до Мраморного моря.

Тогда британское правительство, не желая допустить, чтобы Россия самостоятельно разрешила в своих интересах восточный вопрос, объявило общую мобилизацию военных и морских сил.

Имея возможность мобилизовать лишь небольшое количество сухопутных войск, при этом еще плохо обученных, английское правительство располагало достаточно сильным флотом, чтобы разорить русские берега в Финском заливе, Белом и Черном морях и даже у Владивостока.

Эта решительная позиция Англии вызвала в России взрыв страшного негодования. Один могучий крик раздался по всей стране: «Сан-Стефанский договор неприкосновенен. Русский народ сказал свое последнее слово. Мы должны ответить на наглость Англии».

Но государь, князь Горчаков и даже великий князь Николай Николаевич сознавали, что нужно во что бы то ни стало избежать разрыва с Англией. Две важные причины, старательно скрываемые от общества, диктовали это решение: императорская казна была истощена вконец, а армия, расположенная лагерем около Стамбула, гибла от тифа.

Графу Шувалову было поручено начать конфиденциальные переговоры с лордом Солсбери о согласовании Сан-Стефанского договора с британскими требованиями. Пришлось отказаться от всех статей, устанавливавших господство России на Балканском полуострове. Тайное соглашение, помеченное 30 мая, разрешило этот кризис. Два месяца спустя берлинский конгресс торжественно провозгласил основы этого соглашения, лишившего русский народ если не всех плодов одержанной победы, то по крайней мере тех, которые наиболее льстили национальной гордости.

И действительно, берлинский договор явился для народа тяжелым горем. Пренебрегая большими политическими и территориальными преимуществами, которые этот договор сохранял за Россией, народ видел в нем полное банкротство национальной политики.

Все эти события непосредственно отразились на судьбе Александра II.

* * *

По возвращении в Петербург Александр возобновил ежедневные встречи с Екатериной Михайловной.

Испытания балканской войны страшно изнурили царя физически и не менее тяжело потрясли его морально. Его сердечная чувствительность, и раньше легко возбудимая, стала еще сильнее. Она поддерживала в нем постоянную потребность в душевных излияниях и нежной близости.

Минутами царем овладевала тяжкая меланхолия, доходившая до глубокого отчаяния. Роль монарха не интересовала его больше. Все то, что он пытался создать в течение своего царствования, оказывалось неудачным.

Он никогда не стремился, в отличие от других царей, к кровавым лаврам славы. Разве не пытался он предотвратить восточную войну, которую навязал ему его народ? Наконец, не предотвратил ли он еще так недавно нового конфликта? Но было ли это оценено? Все доклады провинциальных губернаторов свидетельствовали, что народ, обманутый в своих чаяниях, во всем винил царя. Донесения полиции указывали на устрашающий рост революционного брожения.

Удрученный этими сведениями, царь в душевном смятении потянулся всем сердцем к той, кто пожертвовала для него своей честью, успехами в обществе и светскими развлечениями, думая только о его счастье и окружая его атмосферой страстного обожания.

Постоянное присутствие Екатерины Михайловны стало так необходимо царю, что он решил поселить ее в Зимнем дворце, под одной крышей с императрицей.

Во втором этаже дворца княжне Долгорукой отвели три большие комнаты, расположенные над личными апартаментами царя и непосредственно соединенные с ними внутренней лестницей.

Императрица Мария Александровна, занимавшая покои, находившиеся рядом с комнатами Александра, вскоре узнала о странном соседстве, в котором она очутилась. Она подчинилась без единого слова жалобы этому новому испытанию.

Терзаемая горем, изнуренная недугом, чувствуя приближение смерти, императрица все же находила в себе силы казаться еще более надменной и недоступной.

Только один раз она открылась своему единственному другу графине Александре Толстой, которая была воспитательницей дочери императрицы великой княжны Марии до ее брака с герцогом Эдинбургским. Указав на апартаменты своей соперницы, несчастная императрица проронила с горечью:

– Я прощаю оскорбления, наносимые мне, как монархине, но я не в силах простить тех мук, которые причиняют мне, как супруге.

Водворение фаворитки царя в величественных покоях Зимнего дворца, который, казалось, знаменовал собой всю славу Романовых, вызвало страшное негодование в обществе и стало главной темой салонных сплетен.

Хотя Екатерина Михайловна жила очень уединенно, укрывшись в своих апартаментах и стараясь избегать посторонних взглядов, тем не менее ее присутствие во дворце ежеминутно давало себя чувствовать. Поселившись в Зимнем дворце, она не могла не пользоваться услугами дворцового интенданта, царскими конюшнями, дворцовой кухней и прислугой.

При таких условиях связь царя с Екатериной Михайловной, окруженная прежде дымкой тайны, превращалась в афишированный адюльтер. Прежние осуждения, забытые было за тревогами балканской войны, с новой силой обрушились на царя и его возлюбленную. Они усилились новыми упреками, непосредственно направленными на княжну. На нее вваливали громадную долю ответственности за печальный ход общественных событий. Ее обвиняли в том, что любовными чарами она отвлекала царя от его высоких обязанностей, ослабляя его волю и лишая сил и решимости.

В подтверждение этих упреков враги Екатерины ссылались на внешний вид царя. «Как страшно изменился он физически, – говорили они. – Впалые щеки, согнутый стан, неверные движения, тяжелая одышка – вот до какого состояния она довела царя!»

Эти обвинения, очень преувеличенные, стали выражаться в еще более резкой форме, когда узнали, в сентябре 1878 года, что княжна Долгорукая родила вторую дочь, Екатерину.

* * *

Никогда еще Россия так сильно не нуждалась в руководителе с ясным умом и твердой волей. Революционное брожение распространялось по всей империи. Не проходило недели, которая не была бы отмечена каким-нибудь выступлением нигилистов.

6 февраля 1878 года Вера Засулич положила начало трагическому периоду русской истории двумя револьверными выстрелами в начальника петербургской полиции Трепова, тяжело ранив его.

Эта молодая девушка, происходившая из благородной семьи, сочла своим долгом отомстить за одного из своих товарищей-террористов, Боголюбова. Генерал Трепов в припадке гнева приказал содержащегося в крепости Боголюбова подвергнуть телесному наказанию проведением сквозь строй.

12 апреля Вера Засулич предстала перед уголовным судом, который со времени либеральных реформ Александра II происходил с участием присяжных заседателей. Осуждение Засулич казалось несомненным, так как преступление было средь бела дня, и молодая девушка не отрицала своей вины.

Но как только начался допрос свидетелей, в возбужденном зале произошел неожиданный обмен ролями, превративший обвиняемую в публичного обвинителя, а жертву – в ответчика.

Несмотря на то, что присяжные заседатели принадлежали к высшим классам общества, а билеты для входа были умышленно распределены среди самых высоких должностных лиц империи, с каждым ответом нигилистки сочувственное возбуждение в зале росло. Во время прений сторон настроение зала достигло высшего напряжения. Наконец, присяжные заседатели удалились на совещание. Через несколько минут они вернулись в зал.

Вера Засулич была оправдана. Решив не осуждать обвиняемую, выразители общественной совести, не колеблясь, отрицали преступление.

Едва председатель окончил чтение этого неожиданного приговора, как по всей зале прокатился гром аплодисментов. При выходе из зала Вере Засулич устроили шумную овацию. Когда она появилась перед толпой, запрудившей всю площадь перед зданием суда, ее встретили единодушными криками восторга и энтузиазма.

Вся страна, как эхо, откликнулась на это событие. В Киеве, Москве, Харькове и Одессе революционные манифестации беспрерывно следовали одна за другой, как бы порождая друг друга. Беспорядки в Одессе носили особенно серьезный характер, так как организатором их был один из опаснейших вождей партии нигилистов Ковальский. Полиции удалось открыть его местопребывание и арестовать его. Ковальский был приговорен к смерти и казнен 14 августа.

Возмездие не заставило себя долго ждать. Два дня спустя начальник III Отделения генерал Мезенцев, проходя в полдень по одной из оживленнейших улиц столицы, был ранен кинжалом в грудь, отчего вскоре скончался. Нападавший действовал с такой дерзостью и быстротой, что прохожие остолбенели, как громом пораженные. Никто даже не пытался преследовать убийцу, который так и не был пойман.

С этой минуты между царским правительством и революционной партией завязался поединок не на жизнь, а на смерть. Их никакие репрессии не утрашали.

Напрасно полиция участвовала аресты и ссылки. Напрасно правительство лишало права разбирать преступления против государственной опасности, передав их военным судам, которые были беспощадны.

Гигантский заговор подрывал устои русского общества. Мировое поветрие политических убийств незаметно распространялось в массах, как ужасная эпидемия. Насчитывалось много жертв среди прокуроров, судебных следователей, полицмейстеров, жандармских офицеров и тюремных начальников.

Утром 14 апреля 1879 года, когда император совершал обычную прогулку вблизи своего дворца, молодой человек, шедший ему навстречу, произвел в него четыре выстрела из револьвера. Пули врезались в стену соседнего дома. Злоумышленник был сейчас же задержан. По пути в полицию он пытался отравиться.

Это был Александр Соловьев, 30 лет, по профессии учитель. На вопросы о причинах и обстоятельствах его преступления он отказался дать объяснения. Судебный следователь убеждал Соловьева быть откровенным, указывая, что полное признание облегчит его участь.

Террорист холодно отвечал: «Не настаивайте. Вы все равно от меня ничего не узнаете. Я уже давно всецело пожертвовал своей жизнью. Да к тому же, если бы вы и вырвали у меня признание, мои соучастники лишили бы меня жизни в той же тюрьме, где мы сейчас находимся».

Покушение Соловьева озаряло зловещим светом общее положение империи. Но что было делать? В самом сердце правительства царил полный хаос. Министры спорили друг с другом, не будучи в состоянии решиться на какую-либо практическую меру, не сходясь ни в одном мнении, кроме злословия по адресу агентов тайной полиции и генерала Дрентельна, заместившего Мезенцева на посту начальника III Отделения.

Лично Александр II был противником крайних мер, но в конце концов он согласился объявить осадное положение в местах, наиболее глубоко пораженных революционным брожением. Было назначено шесть генерал-губернаторов в Петербург, Москву, Варшаву, Киев, Харьков и Одессу. Они были облечены высокой властью и чрезвычайными полномочиями: правом ареста и высылки каждого подозрительного лица, приостановления и запрещения всякого периодического издания и правом принимать по собственной инициативе все необходимые меры к поддержанию порядка.

В число этих полновластных лиц царь включил трех генералов, наиболее отличившихся в последней войне: Тотлебена, взявшего Плевну, Гурко, который первым перешел через Балканы, и Лорис-Меликова, овладевшего неприступной Карской крепостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.